

Ани Еганян

ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО КОЛОКОЛА

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Ани Еганян

После третьего колокола

<https://litres.ru/74623633>

SelfPub; 2026

Аннотация

В деревне Роуэн-Холлоу не рождаются дети. По ночам здесь закрывают окна, запирают двери и ждут третьего удара церковного колокола.

После него нельзя произносить ни слова.

Тот, кто нарушит правило, рискует потерять не собственную жизнь, а кого-то гораздо дороже. К утру исчезнувшего забудут все, словно его никогда не существовало.

Вернувшись в родную деревню после смерти матери, Нора Харт обнаруживает, что жители скрывают страшную правду о трагедии 1913 года. Старые документы противоречат воспоминаниям, дома хранят следы исчезнувших детей, а из ночного леса доносится пение.

Чем ближе Нора к разгадке, тем яснее становится: колокол не предупреждает об опасности. Он требует расплаты.

Но кто назначил цену? И что произойдёт, если однажды колокол не прозвонит?

Некоторые тайны похоронены не для того, чтобы их забыли. А чтобы они никогда не проснулись.

Ани Еганян

После третьего колокола

АНИ ЕГАНЯН

ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО

КОЛОКОЛА

Мистический роман

Расширенное авторское издание

ПРОЛОГ. ИМЕНА

Роуэн-Холлоу, октябрь 1913 года

Мэри Белл считала детей по головам, хотя уже знала: их двадцать восемь. Двадцать семь из приходской школы и девочка, которую никто не записал в классный журнал. Последняя сидела на каменном полу у лестницы, обняв колени, и всякий раз, когда над дверью грохотала вода, прятала лицо в рукава.

— Эльси, — звала Мэри.

Девочка поднимала голову.

— Я здесь.

Так они играли последние два часа. Учительница произносила имя — ребёнок отвечал. Потом следующий. И ещё. Пока ответы звучали, под землёй оставалось двадцать восемь живых детей, а не темнота, вода и страх.

Наверху трещали балки. Сквозь вентиляционную решёт-

ку просачивался ледяной воздух. Деревню затопило после того, как ночью прорвало старую дамбу; школьный подвал когда-то соединялся с шахтной штольней и теперь стал ловушкой. Мэри отправила мальчиков к лестнице и сама поднялась к дверям, за которыми слышались мужские голоса.

— Откройте! — крикнула она. — Здесь дети!

— Вода поднимется и в церковь, — ответил кто-то снаружи. — Дверь надо заложить. Иначе погибнут все.

— Они ещё живы!

— У нас приказ.

Ударил молот. Потом второй. Кто-то плакал уже по ту сторону дверей — взрослый, не ребёнок. Мэри знала этот голос: Джон Пайк, староста деревни. Днём он принёс ученикам яблоки. Теперь он приказывал замуровать лестницу.

Она спустилась обратно. Дети ждали, не задавая вопросов. На доске висела таблица умножения; мел держался в треснувшей деревянной рамке. Мэри взяла его, написала имена на обратной стороне доски и прислонила её к стене. Почерк вышел крупным, кривым, непохожим на её обычный аккуратный школьный почерк.

— Для чего? — спросил Томас Рид.

— Чтобы вас не забыли.

— А если забудут?

Мэри не ответила.

Над ними зазвонил церковный колокол. Один удар. Потом другой. На третьем вода погасила лампу.

Во тьме Эльси тихо произнесла:

— Мисс Белл, а если они забудут все наши имена?

Мэри нащупала её ладонь.

— Тогда мы будем называть их друг другу.

Под землёй дети начали перекличку. Через три минуты голоса оборвались. На поверхности колокол продолжал звонить ещё долго, потому что человек у верёвки боялся отпустить её и услышать, что творится за заложённой дверью.

КЛАССНАЯ ДОСКА

Роуэн-Холлоу. За семь дней до наводнения.

У Мэри Белл была привычка начинать урок с вопроса, на который не существовало единственного ответа. В понедельник она спросила, почему люди боятся темноты. Томас Рид предположил, что в темноте ничего не видно; Эдит Морган возразила, что как раз там иногда видишь слишком многое. Младший Фредерик сказал, что боится не темноты, а того, что мама, уходя из комнаты, забудет вернуться.

— И что мы можем сделать, если кому-то страшно? — спросила Мэри.

— Держаться за руки, — предложила Лилиан Бэрроу.

— Зажечь лампу, — сказал Джек Картер.

Девочка, сидевшая на подоконнике, ничего не сказала. Ей позволяли приходить в класс, хотя её имени не было ни в ведомости, ни в списке церковного кружка. Впервые она появилась весной, когда в долине ещё лежал снег. Одежда на

ней была чистая, но чужая — по крайней мере, так думала Мэри, глядя на слишком широкие рукава. Никто не видел, откуда она приходила, и никто не знал, куда уходила вечером.

Дети звали её Эльси. Назвала её так сама Мэри — на третий день, когда девочка расплакалась оттого, что учительница не могла позвать её к доске. Имя девочке понравилось. Она повторяла его в коридоре, осторожно, словно примеряла новое платье.

На перемене Эльси нарисовала на полях тетради двадцать восемь маленьких окон. Над каждым было имя. Под последним — только кружок, пустой внутри.

— Ты опять себя не подписала, — сказала Мэри.

— Я подписала. Только буквы пока не знаю.

Это было неправдой. Эльси читала лучше некоторых десятилетних, но делала вид, будто не умеет. Иногда дети совершают такую маленькую ложь, чтобы взрослые имели повод оставить их рядом подольше.

В тот же день в школу пришёл Джон Пайк. Сапоги его были в глине, на пальто лежали белые следы известки. Он говорил с Мэри в коридоре, однако дети слышали каждое слово: старые двери пропускали звук даже сильнее, чем холод.

— Школьный подвал использовать нельзя, — сообщил он. — Гидротехник предупредил, что отводной канал ослаблен. Если выпадет сильный дождь, туда не спускаться ни в коем случае.

— Тогда почему его не закрыли?

— Потому что других погребов в восточной части деревни нет. Если понадобится укрытие, взрослые сами разберутся.

Мэри посмотрела на его сапоги.

— Там ведь есть проход к шахтной штольне. Его можно открыть?

— Нельзя. Он заложен по распоряжению совета. И прошу вас не пугать детей разговорами о потопе.

Мэри хотела сказать, что дети и без неё слышат шум дождя, видят мокрые трещины в кладке и знают о коровах, погибших весной в овраге. Но Джон Пайк уже вытащил часы и всем видом дал понять, что разговор окончен.

После уроков Мэри пересчитала учеников. Одиннадцать девочек, шестнадцать мальчиков и Эльси. Она записала двадцать восемь на листке и спрятала его в карман фартука. Когда все разошлись, на доске осталось детское предложение о темноте: «Надо зажечь лампу».

Мэри стёрла мел влажной губкой. Белые буквы исчезли, но ей ещё долго казалось, будто под темнеющей поверхностью видны их очертания. Перед закрытием школы она сняла с гвоздя запасной фонарь и проверила фитиль. Никакого дурного предчувствия у неё не было. Были лишь трещина над дверным косяком, предстоящая непогода и привычная ответственность за двадцать восемь чужих детей.

Позже, когда люди станут рассказывать, будто всё случи-

лось слишком быстро и сделать ничего было нельзя, никто не вспомнит этот понедельник. Не вспомнит предупреждение гидротехника. Не вспомнит закрытую штольню. И никто не скажет, что трагедии нередко начинаются задолго до самой трагедии — с вопроса, на который взрослому неудобно отвечать.

ПЕРВЫЙ ЗАПЕРТЫЙ ПРОХОД

Роуэн-Холлоу. Накануне беды.

Механик Генри Лоу не верил в приметы, но подземный гул заставлял его просыпаться по ночам. Он знал камень, из которого была сложена старая дамба; знал звуки железа под нагрузкой и тот особенный свист воды, который означает: поток нашёл дорогу туда, где его не ждали.

За неделю до прорыва он составил короткий отчёт: в аварийном водоотводе появилась просадка, нужна расчистка второго прохода у школы. Бумагу занесли в журнал совета и передали Джону Пайку. На следующий день Пайк вызвал механика в контору.

— Вы предлагаете разобрать стену мельничного склада?
— спросил староста.

— Предлагаю не держать единственный свободный выход за двумя кирпичными рядами.

— Там зерно на зиму. Половина деревни живёт благодаря этому запасу.

— А если вода поднимется?

Пайк вздохнул усталостью человека, привыкшего считать предусмотрительность слабостью.

— Тогда будем спасать людей. Но ломать склад из-за возможности — преступная расточительность.

Генри вышел из конторы с листом, на котором красной ручкой написали «отложить до сухого сезона». Он не был героем. Дома его ждали беременная жена и трое детей, мельница платила ему за работу, а совет мог в любой момент лишить его места. Он положил копию отчёта под инструменты, сказав себе, что завтра поговорит с кем-нибудь ещё.

Завтра весь день лил дождь. Послезавтра смыло мостик у нижнего луга. На третий день жена попросила его не ходить к плотине: течение стало таким, что вода перепрыгивала через камни, как живое существо. Генри подчинился. Каждый раз, когда он выбирал дом вместо возможной ссоры с Пайком, решение казалось разумным.

Утром катастрофы он всё-таки пошёл к школе. Вода уже стояла по колено на центральной улице. Рядом с лестницей несколько мужчин забивали досками старые двери, и Генри сперва решил, что укрепляют вход от потока. Потом услышал изнутри детский крик.

— Остановитесь! — крикнул он. — С той стороны люди!

— Нам сказали запереть, — ответил один из рабочих.

Пайк появился под козырьком в промокшем плаще.

— Если открыть дверь, вода пойдёт на площадь. Там старики, женщины, младенцы.

Генри показал в сторону мельничного склада:

— У нас есть боковой канал. Я объяснял вам. Разберите стену — и поток уйдёт через шахту.

— Поздно.

— Нет. Двадцать человек с ломami успеют за полчаса.

Именно это слово, «полчаса», позже никто не позволял Генри повторять. В официальных бумагах появилось: «Время эвакуации отсутствовало». Сам Генри прожил ещё четырнадцать лет, ни разу не сумев заставить себя произнести перед женой то, что знал. Для спасения детей требовался не чудесный колокол, а взрослые, готовые нарушить приказ.

В тот день приказ оказался сильнее.

ДОЖДЬ НАД ШКОЛОЙ

Наутро после последнего обычного урока вода стояла на крыльце. Мэри открыла дверь и увидела, как школьные ступени исчезают под бурым потоком. Дети уже пришли, некоторые босиком, неся ботинки в руках. Питер Кин держал под рубашкой испуганного котёнка. Девочки посмеивались: котёнок орал громче всех. Мэри велела поставить его в сухую коробку на подоконнике и отметила посещаемость. Она успела подумать, что странно начинать такое утро с обычных галочек в журнале.

Когда часы пробили десять, под школой раздался глухой удар. Генри Лоу прибежал со стороны мельницы и велел перенести детей на второй этаж. Они поднимались по лестни-

це с тетрадями, держа их над головами, как будто учебники стояли больше сухих ног. Мэри считала вслух. Двадцать семь. Эльси шла последней, медленно, потому что держала коробку с котёнком.

Вскоре вода пробралась и на верхний этаж через старые трубы. Потолок затрещал. В школе не было никакой настоящей эвакуационной лестницы: её обещали установить ещё зимой, но совет перенёс ремонт. Когда кусок штукатурки упал рядом с Томасом, Мэри решила вести детей к сухому подвальному проходу, который, по прежним планам, соединял школу со штольной. Это решение впоследствии многие назовут ошибкой. Удобнее обвинить женщину, которая не оставила детей, чем мужчин, которые знали о закрытом проходе и ничего не сделали.

Подвал встретил их холодом. Мэри зажгла фонари, усадила младших на столы и велела старшим собрать все сухие одеяла. Эльси спросила, можно ли выпустить котёнка в коридор. Мэри ответила, что пусть пока посидит в коробке: может заблудиться. «Мы же его потом найдём?» — спросила девочка. «Конечно». В то мгновение Мэри ещё верила, что все они выберутся к вечеру.

Дверь на техническую лестницу оказалась заколочена. Мэри ударила по доскам плечом, затем металлическим совком, но они не поддались. Наверху слышались голоса рабочих. Учительница постучала и назвала себя. Никто не ответил. Она велела детям отойти и попробовала снова. Снаружи

кто-то сказал: «Подождите. Решаем». Время стало растягиваться между каждым стуком. Мэри ещё не знала, что слово «решаем» будет для неё страшнее самого потопа.

Она достала журнал и начала отмечать, у кого мокрые ноги, кто кашляет, кто жалуется на холод. В списке были имена детей и короткие домашние приметы. «Фредерик — боится темноты, хотя стыдится». «Марта — без варёжек». «Эльси — держать ближе». Эти записи не могли согреть. Но пока у каждого ребёнка оставалась своя строка, Мэри было легче помнить, за что она отвечает.

Через два часа вода подошла к щиколоткам. Котёнок, которого вынули из коробки, забрался на верхнюю полку и перестал мяукать. Дети начали спрашивать, когда их заберут родители. Мэри говорила: «Как только откроют дверь». Она не лгала сознательно. Она просто ещё не могла представить, что дверь решили не открывать.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

К полудню фонари стали гаснуть один за другим. Мэри отложила журнал и предложила детям урок, которого не было в расписании. Каждый должен был рассказать, что сделает сразу после того, как выберется наружу. Томас пообещал выучиться плавать. Роуз собиралась спросить у мамы разрешения посадить смородину под окном. Джек хотел побежать по лугу так быстро, чтобы вода никогда его не догнала. Эльси молчала.

— А ты? — спросила Мэри.

— Я хочу, чтобы всё было как до дождя.

— Постараемся.

— А если не получится?

Мэри присела рядом, не зная ответа. Тогда Эльси сказала, что наберёт воды в чашку и поставит на солнце: пусть испарится и перестанет быть страшной. Мэри улыбнулась. Ей хотелось объяснить, что так устроена природа, но она почувствовала усталость, для которой не хватало слов.

Школьники начали петь. Песня была не страшной и не таинственной, обыкновенная детская мелодия о дороге домой, которой их учила сама Мэри. Они путали слова и смеялись, когда кто-то не попадал в ноту. Девочка Джун Уоттс поправляла остальных. Позднее люди станут говорить о «хоре из подвала» как о чужом чудовищном явлении, не вспоминая, что дети пели только ради того, чтобы не расплакаться.

Вечером Мэри снова поднялась к двери. За ней стало тихо. Она постучала дважды и услышала, как кто-то перетаскивает тяжёлый предмет. Потом ударил молоток. Учительница поняла, что доски укрепляют снаружи, и крикнула так, что сорвала голос. Ни один человек не ответил.

Когда она вернулась, Фредерик спросил, не бросили ли их. Мэри сказала, что взрослые ошибаются, иногда сильно, но это не значит, что дети перестают заслуживать помощи. Она достала мел, начала писать имена на обратной стороне доски и попросила каждого назвать хотя бы одно воспоми-

нение о себе.

«Люблю каштаны», — сказал Алфи. «Я умею считать до тысячи», — сообщил Уильям. «Моя сестра ждёт меня дома», — прошептала Марта. От этого последнего предложения Мэри едва не заплакала. Она дописала строки и прижала доску к стене, где было меньше воды.

Дети начали засыпать один за другим, опираясь друг на друга. Мэри ходила между ними и поправляла мокрые воротнички. Она думала, что если сохранит спокойствие ещё немного, то за дверью непременно услышат. Что никто не сможет так долго жить, зная, что в нескольких шагах умирают дети.

Когда прозвучал колокол, она подняла голову. Первый удар словно прошёл под полом; второй заставил шевельнуться воду. К третьему она уже держала за руку Эльси. Ни сама Мэри, ни дети не знали, что этот звук станет законом для людей, которые ещё не родились.

МАЛЕНЬКИЕ ОБЕЩАНИЯ

За два дня до паводка Мэри Белл устроила в классе праздник осени. Не было денег на подарки, поэтому она предложила детям обмениваться маленькими обещаниями: каждый должен был придумать для другого что-нибудь хорошее, что сумеет сделать собственными руками. Томас пообещал починить калитку у дома Эдит. Роуз собиралась связать шарф младшему брату Джун, хотя пока умела только один узор.

Питер обещал показать Фредерику, как перестать бояться воды в глубоких лужах.

Мэри ходила между партами и улыбалась. Взрослые любят придумывать детям занятия, которые должны научить их доброте; часто они не замечают, что дети уже умеют быть добрыми, пока их не отвлекут правилами.

Эльси сидела у окна и не решалась участвовать. У неё не было дома с калиткой, родственников, которых можно было позвать на праздник, или вещей, которые легко подарить. Мэри предложила ей обещание без предмета: например, выучить с кем-нибудь песню. Девочка выбрала Лилиан, которую обычно никто не приглашал в игры, потому что она хромала после старой травмы.

— Я буду ждать тебя, когда ты идёшь медленно, — сказала Эльси.

Лилиан покраснела и ответила, что научит её завязывать узел, который нельзя случайно развязать. Они сели рядом и долго путали нитки. Под конец Эльси удалось сделать узелок из двух петель. Она привязала его к рукаву, обещав не снимать до зимы.

В последний день дети принесли выполненные обещания. Томас действительно починил калитку; Роуз связала маленькую кривую полоску, больше похожую на повязку. Лилиан показала Мэри рукав Эльси с узлом. Учительница похвалила девочек и подумала, что осенний праздник удался. Ни у кого в классе не было времени представить, какие простые

обещания вдруг окажутся невыполнимыми.

Позднее, когда Нора нашла в материнской коробке обрывок ткани с двумя петлями, она не узнала его. Ей показалось, что это просто старый узел, который нельзя распутать, не порвав ткань. Только после письма Мэри стало ясно, какую цену имела эта незаметная вещь: одна девочка пообещала другой ждать, даже если та идёт медленнее. И именно это обещание взрослые деревни не смогли исполнить.

ВЕЧЕР В МЕЛЬНИЧНОМ АМБАРЕ

В доме старосты зажгли лампы, когда на площади уже стояла вода. Джон Пайк пригласил трёх мужчин и положил перед ними план аварийного сброса. В центре плана виднелась красная линия, ведущая от школьного погреба к каменоломне. Пайк провёл по ней ногтем и спросил, сколько зерна уничтожит вода, если разрушить стену склада.

— Половину, — ответил казначей.

— И чем будем кормить деревню зимой?

Генри Лоу, приглашённый как механик, не стал спорить о зерне.

— Сколько детей мы потеряем, если не разрушим?

Пайк раздражённо откинулся на спинку стула.

— Вы опять пугаете нас худшим.

— Потому что худшее уже стучит снизу.

За окном прошёл школьный сторож с мокрым мешком на плечах. Пайк посмотрел ему вслед. Он не был человеком,

способным лично ударить ребёнка; он бы даже не позволил грубо разговаривать с учениками на улице. Но в документах дети представлялись количеством эвакуируемых, а зерно — точной стоимостью. С цифрами было проще рассуждать о необходимости.

Один из мужчин предложил провести людей к штольне и посмотреть, насколько там безопасно. Пайк отказал: идти ночью с инструментами означало рисковать взрослыми рабочими. Никто не произнёс вслух, что взрослые в этот момент рисковали детьми, оставаясь на месте. Генри поднялся и сказал, что найдёт помощь сам.

После его ухода Пайк велел укрепить складскую стену дополнительными досками. Это распоряжение он запишет в дневнике как заботу о безопасности поселения. Он не станет упоминать, что понимал последствия. Важные решения нередко приобретают благородный вид сразу после того, как их записали красивыми словами.

Ночью Пайк долго не мог уснуть. Из сада слышался стук веток, похожий на чужие пальцы. Он вышел на крыльцо и увидел, как вода ползёт к первому порогу. На мгновение захотелось отменить приказ. Потом он подумал, что уже слишком поздно, и вернулся в дом. Позднее внуки будут находить в его записях фразу «действовать было невозможно». Никто из них не узнает, сколько минут Джон просидел в сухой комнате, убеждая себя в невозможности поступка, которого просто боялся.

ГЛАВА 1. ДОРОГА, КОТОРАЯ ПОМНИТ

Когда Нора Харт увидела указатель «РОУЭН-ХОЛЛОУ — 4 МИЛИ», навигатор сообщил, что дорога закончилась. Впереди лежал мокрый асфальт, вполне настоящий, однако на экране телефона дальше тянулось серое пятно без названий и поворотов.

Нора выключила голосовые подсказки. Она приехала похоронить мать и уехать обратно в Ливерпуль к воскресенью. Роуэн-Холлоу не входил ни в одно другое её намерение.

В деревне было всего три улицы, пекарня, почта, закрытая гостиница и церковь с непропорционально высокой башней. В витрине магазина стояли банки с печеньем и жестяные коробки чая. Не было ни игрушек, ни колясок, ни детской одежды — Нора отметила это машинально, потому что в городе привыкла видеть подобное на каждом шагу.

Её встретил мужчина у ворот кладбища. Высокий, с поседевшими висками, в куртке скорой помощи, хотя дежурить ему, кажется, было негде.

— Вы Нора? Я Габриэль Шоу. Пастор просил помочь с похоронами.

Он говорил осторожно, словно заранее проверял каждое слово. Нора пожала протянутую руку. Пальцы были холодными, а на запястье у него виднелась узкая татуировка — буква Э внутри круга.

— Вы знали мою мать?

— Почти все здесь знали Клару. Даже когда она уехала.

— Она никогда не говорила об этой деревне.

Габриэль посмотрел на колокольню.

— Такое бывает.

На похоронах было девять человек. Пастор Сайлас Бирн произнёс молитву за Клару Харт и добавил фразу, которой Нора прежде не слышала: «Да будет сохранено её имя». Пожилая женщина в первом ряду беззвучно шевелила губами, считая, как показалось Норе, присутствующих.

После кладбища Габриэль отвёз её к материнскому дому на Ольховой улице. Дом, проданный тридцать лет назад, Клара выкупила за два месяца до смерти. Нора узнала об этом только от нотариуса. На ступенях лежали опавшие листья; в спальне пахло лавандой и сухими деревянными досками.

На кухонном столе стояла коробка с ключами, квитанциями и единственным запечатанным конвертом. На нём почерком матери было написано:

«Нора. Если услышишь колокол три раза, не отвечай никому. Особенно мне».

Она перечитала слова, рассердилась и смяла конверт. Мать последние годы страдала нарушениями памяти. Вероятно, это было очередное бессвязное предупреждение, похожее на записки о газе или незапертой двери.

Но внизу, другим карандашом, мать добавила:

«Прости, что однажды ответила».

Нора расправила бумагу ладонью. Откуда-то из сада до-

нёсся детский смех. Она вышла на крыльцо. Пустая улица уходила к холму; мокрые ворота скрипели на ветру. За оградой никого не было.

На соседнем доме висела небольшая деревянная табличка: «После девяти вечера окна держать закрытыми». У дома напротив — точно такая же. Нора решила спросить о местных правилах утром.

В десять минут двенадцатого в дверь постучали. На пороге стояла женщина с кастрюлей супа.

— Рут Колдер, — представилась она. — Я присматривала за домом вашей матери.

Нора предложила ей войти, но Рут отказалась. Её взгляд сразу упал на часы в прихожей.

— Вы ночуете здесь?

— А что, есть варианты?

— Закройте шторы. И, пожалуйста, если ночью кто-нибудь окликнет вас по имени, помните: это не повод открывать дверь.

— Сколько вас человек репетирует эту шутку?

Рут не улыбнулась.

— Сколько ещё помнит, каково это — ждать ответа.

Она ушла так быстро, что Нора не успела придумать вопрос. Чуть позже свет в окнах деревни погас сразу, будто кто-то выключил единый рубильник.

Нора проверила часы: без семи полночь. С холма донёсся первый удар колокола.

ДОРОГА ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ

За три месяца до похорон мать позвонила Норе в половине четвёртого утра. Для Клары, всю жизнь следившей за чужим сном, это было почти невероятным поступком.

— Ты помнишь наш дом с жёлтой дверью? — спросила она.

Нора лежала в темноте и пыталась нащупать очки.

— Мам, у нас никогда не было жёлтой двери.

— Была. Я перекрасила её, когда тебе исполнилось шесть.

Ты сказала, что жёлтая похожа на предупреждение.

— Возможно. Ты в порядке?

— Да. Мне просто хотелось проверить, осталось ли что-нибудь правильным.

Нора уже собиралась ответить привычным «завтра заеду», но мать попросила не класть трубку. Они говорили о пустяках: о новом автобусном маршруте, о соседке, которая держала на балконе садовые кресла, о грушах, слишком твёрдых для пирога. Между этими малозначительными разговорами Клара трижды спросила, как зовут Нору. Не потому, что забыла: всякий раз она произносила имя первой и ждала, что дочь подтвердит его.

После похорон Нора думала об этом звонке чаще, чем о больничном коридоре. В нём не было красивого прощания. Не прозвучало великой тайны или просьбы сохранить любовь. Мать просто боялась, что однажды услышит по теле-

фону чужой голос вместо дочернего, и не узнает разницы.

На дороге к Роуэн-Холлоу Нора остановилась у бензоколонки. Кассир с усталым лицом спросил, куда она едет. Услышав название деревни, он помедлил с чеком.

— Там праздник какой-то? С утра трое проехали.

— Похороны, — ответила Нора.

Мужчина замялся.

— Извините. Я там никогда не был. Дорога странная: в детстве мой отец возил кирпич туда и обратно. Говорил, что на повороте после ив иногда пропадает несколько минут.

— Ошибался с часами?

— Может быть. Он перестал ездить после того, как однажды привёз домой детский ботинок. Сказал, что нашёл на заднем сиденье, хотя возил только мешки цемента.

Нора расплатилась, не задавая других вопросов. История была слишком удобной для мистического романа и слишком неприятной для женщины, которая ехала убирать материнский дом.

За полчаса до деревни телефон поймал последнее сообщение от коллеги. Норе напомнили о сроках реставрации старых магнитных лент: две катушки ожидали очистки от плесени. Она работала с голосами, записанными задолго до её рождения, и привыкла, что скрип плёнки можно отделить от шепота, а повреждение записи — от человеческой речи. Позднее это умение спасёт не одну жизнь. Пока же Нора выключила звук уведомлений и проехала под мокрыми ветвя-

ми.

Она не заметила маленькую фигуру у каменного столба. Девочка стояла лицом к дороге и держала в руке кусочек мела. Когда машина миновала её, девочка наклонилась и дорисовала на асфальте ещё одну черту. Черта была двадцать девятой.

ПЕРЕД ПОХОРОНАМИ

В доме матери пахло тем, что невозможно сохранить в коробке: выглаженным бельём, сухой кожурой лимона и мылом из бумажной упаковки. Нора открыла шкаф и увидела знакомые платья, развешанные по цветам. Человек может исчезнуть из комнаты, но оставить после себя порядок, в котором всё ещё угадывается его рука.

На нижней полке лежала тряпичная сумка с вышитой буквой «К». Внутри обнаружили две связки ключей, дешёвые серьги и квитанция за услугу частной лаборатории. Анализ датировался июлем. Клара заказала экспертизу снимка 1913 года: восстановление повреждённого участка и определение подлинности негативной пластины. Заключение было коротким: признаков позднего монтажа не найдено; на бумаге присутствуют следы воды неизвестного происхождения.

Клара, которую Нора считала доверчивой и растерянной, в последние месяцы вела расследование. Она сохранила копии выписок из земельного реестра, старые карты и билеты на автобус до Роуэн-Холлоу. Поля документов были испещ-

рены маленькими вопросительными знаками. На одной бумаге мать написала: «Не пытайся объяснять всё только болезнью».

К вечеру приехал Габриэль. Он помог переставить тяжёлую тумбу и не спросил, почему Нора хранит под стопкой полотенец медицинское заключение женщины, уже лежащей в могиле. За чаем он рассказал, что Клара приезжала в деревню последние несколько лет чаще, чем говорила дочери.

— Она встречалась с Агатой, — сказал он. — Они не всегда соглашались. Но Клара ни разу не пропустила день рождения Агаты, даже когда им самим уже трудно было вспомнить даты.

— Откуда вы всё это знаете?

— Я возил её, когда она перестала водить. Иногда она просила ждать у двери. Иногда — присоединиться к разговору. Последний раз она оставила мне маленький свёрток. Велела отдать, если вы захотите уехать раньше, чем узнаете правду.

Он положил на стол конверт. Внутри была детская перчатка в серую полоску. Крохотная, испачканная белой пылью, с аккуратной нашивкой «Э».

— Это что, ещё одна семейная реликвия?

— Не знаю. Она сказала, вы поймёте позже.

Нора посмотрела на маленькую вещь. Внезапно ей вспомнился сон: холодная лестница, собственная рука, тянущаяся из тёмной воды, и чужая взрослая ладонь, которая не успевает её поймать.

— Мать хоть когда-нибудь была здесь счастлива? — спросила она.

Габриэль долго размешивал чай, хотя сахар не положил.

— Она смеялась в саду, когда расцвели нарциссы. Я слышал. И однажды принесла Агате торт с неправильным числом свечей. Они смеялись до слёз.

— Это мало.

— Это то, что я видел. За остальным вам лучше спросить её саму — по записям.

В тот вечер, прежде чем наступила полночь, Нора записала на диктофон всё, что помнила о матери: несколько смешных привычек, выцветший халат, слово «осторожнее», которым Клара сопровождала любую поездку, и запах волос после дождя. Она хотела сохранить хотя бы воспоминания, пока у неё была уверенность, что они принадлежат ей.

ЛИШНИЙ КЛЮЧ

Вечером похорон Нора обнаружила в коробке с наследством ключ, не похожий на остальные. Он был старомодный, с длинной бородкой, но ручку кто-то обмотал синей ниткой. На бумажной бирке ничего не значилось, кроме двух крошечных точек и полоски, сделанной карандашом. Нора попробовала ключ в кухонном замке и в двери чулана. Он не подошёл ни к одному.

Около шести позвонила нотариус из Ливерпуля. Она сообщила, что в документах Клары есть странность: покупку

дома в Роуэн-Холлоу оформили на имя Джеймса Харта, а продажу — на имя незамужней Клары Харт. Сделки прошли с разницей в сутки, хотя нотариальная контора, поставившая печать на обеих, давно закрылась.

— Может быть, это ошибка архива? — спросила Нора.

— Возможно. Но мать прикладывала к документам справку о браке. Я вижу её в описи, а самого свидетельства нет. Похоже, кто-то удалил только одну страницу.

Нора долго смотрела на связку ключей. Она не считала себя человеком, который разгадывает тайны. Её работа заключалась в восстановлении звука на старых лентах, где можно было различить механическую проблему и повреждение от времени. Здесь не было технического задания; был дом, который отказывался рассказывать правду об одном из собственных хозяев.

Она позвонила коллеге и попросила проверить дату аудиокассеты из шкафа Клары. Коллега предложил прислать фотографии маркировки и магнитной ленты. Но Нора остановилась: зачем пересылать снимки вещей, о которых пока ничего не знает? Она решилась лишь описать аппарат. Коллега сообщил, что старую запись можно очистить от шума, если не запускать повреждённую ленту слишком часто, и посоветовал сначала оцифровать её без обработки.

После разговора Нора отнесла ключ к окну. В синих нитках застряла белая крупинка. Под лупой она оказалась не пылью, а мелом. Нора положила ключ рядом с материнским

письмом и заметила, что точки и полоска на бирке напоминают рисунок двери: две петли и порог.

Когда на кухне стало темно, в доме зазвенели трубы. Сначала Нора приняла звук за отопление, потом различила негромкую мелодию из трёх нот. Она закрыла кран, проверила радиатор, выключила холодильник. Мелодия продолжалась. Из пола доносился не звон металла, а словно чужое дыхание, заставлявшее металл отзываться.

Нора достала телефон, записала десять секунд и тут же прослушала. На записи не оказалось музыки. Был обычный шум воды, а под ним — едва заметный голос, повторявший «не забудь». Она проверила, не воспроизводится ли чей-то разговор за окном. Улица была пустая.

Через много дней она поймёт: первый ключ Клары не открывал дверь напрямую. Он указывал, куда нужно смотреть, если захочется узнать, почему остальные двери всё время оказываются закрыты. Пока же Нора убрала его в карман, проверила задвижки и решила, что завтра непременно уедет.

ГОСТИ ИЗ СОСЕДНЕГО ГОРОДА

На похоронах Клары приехала женщина из Ливерпуля, которую Нора не узнала. Она стояла в стороне, держала букет белых астр и не подходила к гробу. После службы женщина представилась старой подругой матери — Джудит Моррис. Нора помнила имя по редким открыткам, но никогда не встречалась с ней лично.

Они разговаривали возле кладбищенских ворот. Джудит рассказала, что в молодости Клара была живой и шумной, любила поездки и всегда опаздывала на киносеансы. После осени 1998 года она изменилась. Стала записывать на бумаге названия улиц и имена людей, боялась выбрасывать фотографии, иногда звонила среди ночи, чтобы спросить, помнят ли друзья какого-то Джеймса.

— Мы думали, она пережила разрыв, — сказала Джудит. — Потом появилась ты, и разговоры прекратились. Клара так тебя любила, что все мы перестали задавать вопросы.

Нора почувствовала досаду: снова взрослые предпочли удобное молчание. Но женщина стояла перед ней с мокрыми глазами и искренне скучала по матери. Нора понимала, что человек может промолчать не от злого умысла, а потому, что не знает, как подступиться к чужой боли.

Джудит достала старую открытку. На ней была нарисована морская гавань, а сзади написано: «Если когда-нибудь мы поедем к морю вместе с нашей маленькой Норой, я хочу, чтобы ты помнила этот день ещё до того, как он случится. Клара». Дата стояла за год до появления Норы в доме.

— Я сохранила, потому что она казалась такой счастливой, — сказала Джудит. — А потом не знала, стоит ли показывать тебе.

Нора осторожно взяла открытку. Для неё это стало ещё одним свидетельством того, что любовь к ней существовала задолго до той ночи, когда мать произнесла её имя. Не как

любовь к конкретной девочке из подвала, а как место в сердце, которого Клара не переставала готовить. Нора вернула открытку Джудит и попросила разрешения сфотографировать.

Перед отъездом женщина обняла её и сказала:

— Твоя мама не всегда была грустной. Не позволяй этой истории забрать у тебя её смех.

Нора запомнила слова. В Роуэн-Холлоу многое пыталось превратить людей в доказательства беды. Она решила сохранить и то, что делало их живыми, даже если это не помогало разгадать ни одной тайны.

ГЛАВА 2. ГОЛОС ЗА СТЕКЛОМ

Первый удар был низким, глухим. Нора почувствовала его грудью, как звук поезда под мостом. Второй прозвучал через несколько секунд. Между ними на улице успел остановиться ветер.

Третьего пришлось ждать дольше. Когда он наконец пришёл, электрическая лампа на кухне мигнула, а вода в стакане покрылась мелкой рябью.

И тогда кто-то постучал в окно.

Не в дверь, а именно в стекло, три раза кончиками ногтей. Нора отодвинула штору на ладонь. На другой стороне стояла мать. Та самая Клара, которую они час назад предали земле, в синем пальто с оторванной пуговицей. Нора помнила, как сама пришивала эту пуговицу в детстве и потом потеряла иголку под диваном.

— Норочка, — произнесла мать тихо, будто боялась разбудить соседей. — Открой. Здесь холодно.

Кровь отхлынула у Норы от лица. Она почувствовала не страх, а болезненную радость: ещё одно мгновение, ещё одна возможность. Материнский голос звучал так убедительно, что все рациональные объяснения показались грубостью.

— Ты ведь всегда говорила, что я буду ждать тебя, — продолжил голос. — Ну вот, я жду.

Нора раскрыла рот. Письмо лежало на столе, расправленное чашкой. «Особенно мне».

В окне лицо матери изменилось совсем незаметно. Не черты, не возраст — лишь выражение глаз, слишком сосредоточенное для привычной Клары. Так смотрит человек, ожидающий пароль.

Нора отступила на шаг. По стеклу скользнула маленькая мокрая ладонь. Уровень её пальцев был слишком низким для взрослой женщины.

— Назови меня, — попросил материнский голос.

Нора прикусила язык так сильно, что почувствовала соль крови. Стоявшая за окном женщина медленно наклонила голову набок. Губы её больше не двигались, но по стеклу продолжал идти шёпот:

— Ты должна помнить.

Через несколько минут лампа перестала мигать. Фигура исчезла. В ту же секунду за забором залаяла собака — первая живая мелочь этой ночи.

Нора заперла кухонную дверь, хотя та уже была закрыта на две задвижки. Руки тряслись. Она попыталась позвонить в полицию; телефон показывал связь, но вызов обрывался прежде, чем раздавался гудок. Тогда она набрала Габриэля. Он ответил сразу.

— Вы в доме? — спросил он.

— Здесь была моя мать.

Пауза длилась секунду.

— Вы с ней говорили?

— Нет.

— Хорошо. И больше не подходите к окнам. Я приду, когда станет светло.

Нора хотела возмутиться, что он даже не удивился, но связь оборвалась.

Утром на подоконнике обнаружились грязные следы детских пальцев: четыре маленькие дуги и отпечаток большого пальца. Изнутри стекло было чистым. На внешней стороне кто-то написал в запотевшем прямоугольнике:

«ПОСЧИТАЙ НАС».

Нора сфотографировала надпись. На экране телефона вместо букв получились бесформенные полосы конденсата. Она сделала ещё снимок. Буквы вернулись, но теперь складывались в другое слово:

«ПОЖАЛУЙСТА».

Нора долго смотрела на экран. Затем выключила телефон и впервые подумала, что вернуться сюда было не её решени-

ем.

ЧАСЫ БЕЗ МИНУТНОЙ СТРЕЛКИ

Остаток первой ночи Нора провела в ванной, сидя на закрытой крышке унитаза. Это было единственное помещение, окно которого выходило на внутреннюю стену и не позволяло увидеть улицу. В телефоне оставалось тридцать восемь процентов заряда. Она пыталась прочитать утренние новости, но буквы расплзались от напряжения, и каждая фотография с человеческим лицом казалась приглашением присмотреться к нему слишком внимательно.

За стеной начинались тихие шаги. Иногда их было четыре, иногда шесть. Нора убеждала себя, что это старые трубы, но трубы не останавливаются перед дверью, когда человек перестаёт дышать.

В половине первого кто-то из коридора произнёс её имя голосом маленькой девочки. Голос не был похож ни на кого из знакомых, и потому испугал сильнее материнского. Он не просил открыть дверь. Он только сообщил:

— Ты забыла ту комнату.

Нора прижала колени к груди. Ей вспомнилась детская, которой в их ливерпульской квартире никогда не было: белый шкаф, наклейки с яблоками и высокая дверь, у основания которой лежал мокрый камень. Воспоминание было настолько отчётливым, что она невольно потянулась к ручке, желая проверить коридор. Но вспомнила письмо и опустила

руку.

Затем в доме раздался мужской смех. Низкий, добродушный, незнакомый. Смех человека, который, вероятно, когда-то жил здесь и мог привычно ставить обувь у этого порога. Его никто не позвал по имени, и через несколько секунд он затих.

Нора достала блокнот и начала записывать происходящее по времени: первый звонок, второй, третий, три удара в окно, голос Клары, голос девочки, мужской смех. Она не пыталась обосновать наблюдения. Записала только то, что могла проверить. «Руки на внешнем стекле ниже линии подоконника». «После третьего удара воздух в помещении стал холоднее». «Когда мне показалось, что мать смотрит прямо на меня, её отражение оказалось ниже настоящего роста».

Потом произошло событие, которое она сначала пропустила. На дверце аптечного шкафчика висело маленькое зеркало. Нора смотрела в него, чтобы собраться с мыслями, и лишь с третьей попытки поняла: отражение слегка задерживается. Она поднимала руку, а женщина в зеркале повторяла движение с запозданием, почти незаметным, но достаточным для физической тошноты.

Нора закрыла зеркало полотенцем. Снаружи кто-то громко вдохнул — так вдыхает ребёнок после долгого плача.

В четверть пятого телефон снова показал точное время. На улице проехала машина. Откуда-то раздался кашель пожилого человека, затем хлопнула обычная дверь. Мир по-

степенно возвращал звуки, которые человеку положено слышать ночью: далёкий мотор, шорох листьев, собачий лай. Нора уснула сидя и проснулась с затёкшей шеей, когда небо уже посветлело.

Позднее она обнаружит в тетради строку, которую не помнила: «Папа был у двери, но я его не узнала». Почерк был её. Чернила — тоже. Нора долго вертела ручку в пальцах. Самым страшным оказалось не предположение, что в доме побывал призрак. Страшным было другое: память может лгать и при этом не выглядеть ложью.

ЛИЦО НА ПЛЁНКЕ

Утром после голоса у окна Нора попыталась доказать себе, что всё произошло от усталости. Она включила кухонный свет, поставила чайник и сняла со стены старые часы. Механизм отставал на семь минут. Она сменила батарейку, но стрелки упорно возвращались к тому же времени. Тогда Нора записала несоответствие в блокнот. Не потому, что оно объясняло случившееся, а чтобы перестать метаться между самоговорами и ужасом.

В ванной она обнаружила под зеркалом длинный волос. Он не принадлежал ей — Клара много лет носила короткую стрижку, а сама Нора красила волосы в тёмный каштановый и подрезала до плеч. Найденный волос был светлым, почти белым, и пах мокрым железом. Нора завернула его в салфетку. Несколько часов спустя салфетка осталась пустой, хотя

узел не развязался.

На старой видеокассете, которую она нашла в ящике телевизора, была надпись «Рождество 2001». Нора помнила этот праздник: пластмассовая ёлка, подаренный велосипед, болезнь матери, из-за которой они не поехали к родственникам. Она подключила видеомэгнитофон через переходник и стала смотреть. На экране маленькая Нора сидела на ковре, а за кадром женщина смеялась и просила показать подарок.

Вдруг прозвучал мужской голос: «Осторожно с лентой, сейчас зажуёт». Нора застыла. Она перемотала кассету. Второй раз голос оказался тише, третий — вовсе исчез. Но на секунду в отражении телевизора появилось размытое мужское лицо в круглых очках. Когда она поставила запись на паузу, отражение растворилось среди цветных полос.

Нора сделала копию короткого фрагмента на отдельное устройство. Две записи звучали не совсем одинаково. На одной слышался мужчина, на другой — только фоновый шум. Она с профессиональной привычкой сравнила последовательность кадров и обнаружила, что оба файла имеют одинаковую длительность. Исчезнувшая речь не оставила даже паузы.

Это поразило её больше самого голоса. В знакомом мире, если удалить звук из дорожки, останется промежуток, ровно столько секунд, сколько занимала фраза. Здесь фраза словно никогда не произносилась, а программа уверенно показывала непрерывность. Нора понимала, что перед ней нарушение

не техники, а самой истории.

За полдень она вышла на улицу и заметила у забора мальчика в школьной форме. Он стоял неподвижно, глядя на дом. Нора спросила, кто он. Мальчик не ответил, а только показал на окно, где ночью появлялась Клара. Когда Нора обернулась, мальчик исчез. На земле лежали три мокрых камушка, выложенных в линию.

Она не подняла их. У неё впервые возникло чувство, что некоторые загадки хотят, чтобы она торопилась. Нора предпочла медленное движение: сделать записи, проверить факты, поговорить с живыми. В тот день она ещё не знала, что именно такая осторожность позволит ей не произнести чужое имя в самый опасный момент.

КТО СТОЯЛ НА КРЫЛЬЦЕ

После первого появления Клары у окна Нора вышла на крыльцо только при дневном свете. На досках сохранились мокрые отпечатки узких подошв, а возле порога лежал тонкий слой школьного мела. Она измерила следы линейкой. Подошва была слишком мала для взрослой женщины. Неудивительно: ночью руки за стеклом тоже казались детскими.

На соседнем участке пожилая женщина развешивала бельё. Нора спросила, не видела ли та кого-нибудь у материнского дома ночью. Соседка сначала сделала вид, что не слышит, затем сухо сказала:

— Я не смотрю после колокола. И вам советую.

— А до него?

Женщина замерла с мокрой наволочкой в руках. Потом прошептала, что видела девочку в школьной форме ещё до того, как прозвучал первый удар. Девочка стояла у забора и считала деревянные планки. Когда она дошла до двадцать восьмой, начала снова. Соседка не подходила к ней, но заметила на воротничке имя, написанное мелом: «Эльси».

— Почему вы не сказали мне вчера?

— Потому что вы бы всё равно не поверили. Да и я не знаю, правильно ли видела.

Внутри дома Нора нашла в материнских документах рисунок ворот. На нём было двадцать восемь вертикальных полосок и одна горизонтальная, перечёркивающая их. На обороте Клара написала: «Она всегда считает, когда боится». Нора почувствовала, что мать знала девочку из ночного окна гораздо лучше, чем было сказано в письме.

Она попыталась вспомнить собственное детство. В школьном классе в Ливерпуле Нора часто считала предметы: ступени, окна, пуговицы. Учителя считали это странной привычкой, которая пройдёт с возрастом. Не прошла. Даже сейчас, когда Нора волновалась, взгляд сам искал на стене повторяющийся узор, который можно было пересчитать.

Снаружи снова стукнули по забору. Она выглянула: никого. На самой нижней планке появился свежий белый штрих. Нора не решилась его стереть. Вместо этого сфотографиро-

вала и сохранила снимок на бумаге, распечатав его в маленьком домашнем принтере. В печати штрих выглядел как нормальная черта. Это была первая улика, которую устройство не попыталось исправить сразу.

ГЛАВА 3. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ НЕ СЛЫШИТ

Рут Колдер работала в библиотеке, занимавшей бывшую аптеку. Книг там было меньше, чем старых газет и папок с земельными актами. Нора пришла к открытию. Она не собиралась объяснять свои вчерашние видения, но Рут сразу спросила:

— Вы не ответили?

— Не ответила.

Рут упёрлась ладонью в край стойки и медленно выдохнула.

— В таком случае у нас ещё есть время.

— Мне нужен нормальный разговор. Без загадок. Почему ночью возле моего дома стояла женщина, похожая на мою умершую мать?

— Потому что это было единственное лицо, которому вы могли ответить.

Рут вынула из ящика лист, на котором от руки были напечатаны правила деревни. Точнее, написаны заглавными буквами, как инструкции при пожаре.

«Первый удар — погасить свет. Второй — закрыть рот. После третьего нельзя произносить ни слова до возвращения звуков на улице. Не отвечать голосам знакомых. Не откры-

вать окна. Не пересчитывать ступени церковной лестницы ночью».

— Последнее зачем?

— Потому что их никогда не бывает столько же, сколько днём.

Нора почти рассмеялась, но Рут достала из нижнего шкафа альбом с выцветшими фотографиями. На первой странице была деревенская ярмарка 1974 года. Толпа у павильона с пирогами, мужчины в праздничных костюмах, дети у карусели. На второй — воскресная служба 1991 года. На третьей — свадьба 2006-го. Нора заметила нечто одинаковое в каждом снимке: самые младшие лица принадлежали подросткам.

— Здесь действительно не живут маленькие дети?

— Живут недолго, — ответила Рут и тотчас исправилась: — Так говорили раньше. Сейчас никто не остаётся с ребёнком. Мы советуем уехать до родов.

Нора осмотрела книги учёта. Рождения прекращались примерно в 1978 году; с тех пор их было два, и обе записи заканчивались словом «переезд». Ни свидетельства, ни нового адреса. В строках смерти тоже были странные пропуски: номера актов шли подряд, но имена некоторых умерших отсутствовали.

Рут отодвинула папку.

— Есть человек, с которым вам надо встретиться. Она знает то, чего не знаю я.

Женщину звали Агата Рид. Ей было девяносто один, она

жила над бывшей лавкой часовщика и не слышала с рождения. Рут принесла блокнот и тонкий карандаш.

Агата прочла написанный Норой вопрос: «Почему люди исчезают?» Она посмотрела на Нору долгим внимательным взглядом, затем вывела неровными буквами:

«Они не исчезают. Исчезает место, которое для них было приготовлено».

Нора попросила объяснить. Агата открыла комод, где лежали десятки альбомов. На каждой странице — рисунки лиц, даты, имена. Кое-где имена повторялись по несколько раз, словно художница боялась забыть написанное. На последнем листе значилось: «Джеймс Харт. 18 октября 1998».

— Кто это? — спросила Нора.

Агата показала на неё карандашом и написала: «Твой отец».

— У меня не было отца.

Старая женщина покачала головой. Она не спорила; спорить было бы бессмысленно. Вместо этого достала чёрно-белый снимок: Клара, ещё молодая, рядом с высоким мужчиной в круглых очках. Между ними пустовало место, где бумага была аккуратно вырезана ножницами.

На обороте значилось: «Клара, Джеймс и наша маленькая...» Последнее слово было стёрто до дырки.

Агата взяла карандаш ещё раз.

«Он исчез в ту ночь, когда появилась ты».

АРТУР КОЛДЕР: ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Рут не рассказывала Норе о своём муже в тот день, когда познакомила её с Агатой. Не потому, что не доверяла. Когда произносишь имя исчезнувшего слишком часто, оно превращается в отчёт о несчастье, а человек становится доказательством. Артур заслуживал чего-то большего.

В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году он работал часовщиком. Ничего героического в его ремесле не было: менял пружины в будильниках, чистил настенные часы, чинил поломанные застёжки на дешёвых браслетах. Рут любила его за терпение к мелочам. Сама она была быстра и нетерпелива, легко рвала бумагу, если надпись не удавалась с первого раза. Артур умел сидеть полдня с крошечным винтом и говорить: «Он никуда не спешит. И мы не будем».

Дома у них стояло два стула. На одном Артур всегда оставлял газету, которую читал за завтраком. Рут подшучивала, что если однажды он исчезнет, она поймёт это не по пустой кровати, а по газете, которую никто не сложил пополам. Шутка прожила семь лет, а потом превратилась в пророчество, о котором Рут никому не хотела рассказывать.

В ночь исчезновения за окном прозвучал голос её покойной младшей сестры. «Рути, покажи мне, как правильно завязать ленту». Сестра умерла от воспаления лёгких в возрасте шести лет. Рут вскочила с постели прежде, чем успела понять невозможность происходящего. Артур поймал её за локоть.

— Не надо, — сказал он.

— Она же зовёт.

— Это не она.

На следующем ударе колокола Рут неожиданно услышала ещё один голос — уже свой собственный, молоденький, испуганный, из двора: «Артур, помоги!» Муж поднялся и шагнул к двери. Утром его не было. Ни ботинок, ни счета за починку часов, ни подписи на свадебном документе. Соседи поздравляли Рут с тем, что она прекрасно справляется с одиночеством. Её спрашивали, почему она поставила за столом второй прибор.

Рут обратилась к полиции, потом к врачу. Полицейский усмехнулся: нельзя заявить о пропаже человека, которого никто никогда не встречал. Доктор посоветовал поменьше переутомляться. Она неделю ходила по деревне с фотографией Артура, пока однажды снимок не стал показывать пустое кресло.

Только Агата признала его имя. Она нарисовала мужчину с высоким лбом и длинными пальцами, затем указала Рут на полку, где лежали сломанные часы. За задней крышкой были нацарапаны две буквы: «Р» и «А». Артур оставил их в день свадьбы, желая, чтобы жена знала, кто держал часы в руках первым. Механизм остановился в три минуты после полуночи.

С той поры Рут отмечала каждый исчезнувший предмет. Если люди забывали мужа, город — его дом, а документы

— его подпись, она могла хотя бы сохранять пустоты. Книга таких пустот стала тайным каталогом деревни. И всё же раз в год, в дату их свадьбы, она не открывала каталога. Она готовила на ужин пирог с луком, который Артур любил настолько, что однажды просил испечь его вместо праздничного торта, и ставила на стол два прибора.

Рут не знала, существует ли мужчина, для которого хранит место, или просто охраняет собственную способность любить. После появления Норы она впервые позволила себе другую мысль: возможно, разлука имеет не только дату начала. У неё может быть и конец. Эта надежда пугала куда сильнее долгого отчаяния. Если Артур вернётся, не окажется ли он чужим? Узнает ли женщину с седыми волосами? Не будет ли ему больнее от встречи, чем ей — от потери?

Она решила ничего не репетировать. Когда речь снова дойдёт до него, она скажет первое правдивое слово. А дальше пусть сам выбирает, хочет ли слушать.

АГАТА И ГОЛОСА

В детстве Агате говорили, что люди, не способные слышать, существуют как бы наполовину. При ней обсуждали семейные секреты, ругали соседей, жаловались на любовников, словно девочка была мебелью. Агата отвечала рисунками. Она рисовала рот человека в момент лжи немного иначе, чем в момент страха. С годами научилась читать по губам так хорошо, что иногда окружающим становилось неудобно.

В четырнадцать она увидела у колодца мальчика. Он стоял по щиколотку в луже, но вода вокруг его ног не отражала неба. Агата спросила жестом, не нужна ли помощь. Мальчик показал пальцами десять, потом два, потом снова десять. Она решила, что он не умеет считать, и нарисовала для него мелом цифры. Мальчик улыбнулся. Когда она оглянулась за куском хлеба, его уже не было.

Вечером она увидела того же мальчика на фотографии, сделанной за двадцать лет до её рождения. Его звали Питер Кин; под портретом кто-то написал «погиб при наводнении». Официальная приходская запись утверждала, что погибших школьников не было. Агата не могла сопоставить эти свидетельства и потому сохранила оба: фотографию и запись.

Так началась её коллекция. Она обнаружила, что карандашные рисунки иногда сохраняются, когда фотографии меняются. Не всегда и не полностью. Однажды на портрете человека исчезли глаза; в другой раз остался только шарф. Но если она повторяла рисунок каждые несколько дней, линии не успевали исчезнуть одновременно. Из таких рисунков можно было восстановить черты лица, словно из уцелевших частей старой мозаики.

Два раза Агата пыталась покинуть деревню навсегда. В первый раз добралась до городского автовокзала и узнала, что купила билет на имя женщины, которая не существовала. Во второй раз уехала к двоюродной сестре, прожила там месяц и вдруг обнаружила в кармане чужую записку:

«Джеймс. Клара. Будущая дочь». Женщина по имени Клара тогда ещё не знала её, а мужчина по имени Джеймс даже не был женат. Агата вернулась домой, потому что поняла: кто-то должен остаться свидетелем, если остальные захотят забыть.

С возрастом пальцы перестали слушаться её. Карандаш дрожал, линии получались толще, лица выходили чужими. Тогда она перешла на короткие пояснения: «Любил смородиновое варенье». «Смеялась, закрывая рот ладонью». «Всегда оборачивался, когда с лестницы кто-то звал маму». Эти незначительные подробности делали записи человеческими. Если останется одна дата исчезновения, ничто не помешает следующему совету деревни объявить её ошибкой учёта.

Когда Нора пришла к Агате впервые, старая женщина сразу заметила шрам над её бровью. Этот шрам Агата рисовала сорок лет, хотя лицо девочки неизменно ускользало из её альбомов. Странно было наконец увидеть взрослую женщину на месте маленькой фигуры, стоявшей в воде. Агата почувствовала не торжество от разгадки, а жалость. Нора ещё не знала, какую тяжесть взрослые положили ей на плечи в ту ночь, когда дали имя.

Агата хотела написать: «Ты не виновата». Но остановилась. Чужую вину нельзя снять одним словом, если человек ещё не понял, в чём его обвиняют. Вместо этого она протянула Норе фотографию Джеймса. Пусть сначала узнает о любви, которая существовала до неё. Правда, рассказанная с

неправильного конца, может оказаться ещё одной жестоко-
стью.

ЖЕНЩИНА У КОЛОДЦА

Агата помнила свою мать прежде всего по запаху краски. Миссис Рид по вечерам раскрашивала жестяные коробки, которые продавала на ярмарке, и пальцы у неё всегда были то синими, то красными. Когда маленькая Агата спросила, почему на старой фотографии у школы так много детей, мать закрыла альбом и сказала: «Некоторые вопросы опасны». Агата не слышала её слов, но прекрасно прочла по губам.

Через неделю девочка снова открыла альбом. На снимке вместо детей стояла пустая школьная лестница. Она решила, что перепутала фотографию, и попросила мать показать прежнюю. Мать заплакала, затем написала на листке: «Я боялась, что они придут за тобой». Агата не поняла, кто должен прийти. Впервые ей стало ясно, что взрослые иногда говорят «опасно», когда хотят признаться в собственной беспомощности.

Позже Агата начала собирать сведения о детях, не зная ни одной истории целиком. Её первое настоящие открытие случилось у колодца. Мальчик в старой форме показал ей знак, которым дети обозначают просьбу дать воды. Агата принесла ковш, но когда вернулась, увидела в воде отражение двадцати восьми маленьких лиц. Она подняла голову: рядом нико-

го не было.

После этой встречи девочка три дня отказывалась говорить. Мать не заметила перемены сразу — Агата и без того общалась письменно. Когда всё-таки спросила, та ответила: «Я хочу узнать, кого мы заставили ждать». Мать закрыла лицо ладонями и долго сидела неподвижно. Это был её первый честный ответ.

Спустя годы Агата научилась не принимать молчание за пустоту. Она видела в лицах соседей рассказы, которые те не решались произнести. Она научилась отличать стыд от страха по движению подбородка, а горе — по тому, как человек смотрит на чужие двери. Когда Нора пришла в её комнату, Агата увидела знакомое сочетание всех этих чувств. И подумала, что теперь сможет передать женщине не только список, но и право не бояться знания.

КНИГА ПУСТЫХ МЕСТ

Рут показала Норе свою главную тетрадь лишь после встречи с Агатой. Обложка когда-то была зелёной, но годы сделали её почти серой. Внутри страницы делились на три колонки: «Что осталось», «Чего не должно быть», «Кто помнит». Иногда последняя колонка пустовала.

Первая запись относилась к 1971 году: «Две куртки на крючке, семья уверена, что сын один». Потом шли более странные вещи: парная чашка у вдовы, второй день рождения в календаре, лишняя пара обуви у двери, кусок детской

песни на катушечной плёнке. Каждая история занимала пол-страницы, а иногда — всего несколько слов.

Нора заметила, что Рут не использует слово «исчез». Она пишет «место изменилось», «подпись не совпадает», «фотография стала другой». Так научная осторожность соединилась с многолетним страхом. Если тетрадь когда-нибудь попадёт к человеку, не знающему деревни, её можно будет принять за каталог бытовых ошибок.

— Почему ты не называешь людей прямо? — спросила Нора.

Рут отложила карандаш.

— Потому что их имена исчезали прежде всего. Я пыталась писать крупными буквами, делала копии, прятала листы. Потом просыпалась и видела пустые строки. А следы от давления ручки оставались. Тогда я начала записывать вещи, которые всё ещё можно потрогать.

Она раскрыла страницу, посвящённую Артуру. В колонке «Что осталось» было: «часовой ключ, перчатки, рецепт лукового пирога, остановившиеся часы». В колонке «Кто помнит» значились только две фамилии: Рут и Агата. Ни одной даты смерти. Ни одного надгробия.

Нора взяла тетрадь двумя руками и почувствовала её вес. В ней хранились десятки лет человеческой настойчивости, не способной победить ночь, но не желавшей сдаваться. Рут сказала, что однажды хотела бросить всё в огонь: легче было считать себя сумасшедшей, чем единственным человеком,

знающим о пропавшем муже.

— Что остановило?

— Девочка у булочной, — сказала Рут. — Она спросила, можно ли купить булочку для брата. Утром брата никто не помнил, даже она. Но девочка всё ещё держала две монеты и не понимала зачем. Я решила, что если откажусь считать пустоты, следующую девочку некому будет спросить, для кого она купила хлеб.

Нора аккуратно закрыла тетрадь. Она впервые увидела Рут не суровой хранительницей местных предписаний, а женщиной, которая годами защищала чужую память, пока её собственная жизнь уходила вперед без мужа.

ЧАЙ В БИБЛИОТЕКЕ

В библиотеке Рут было заведено странное правило: каждый посетитель получал чашку чая, даже если заходил только вернуть книгу. Рут объясняла это экономией тепла — зимой легче обогреть одно помещение, чем множество домов. Но Нора заметила, что настоящая причина другая. Люди задерживались за разговорами, и у каждого появлялась возможность услышать, что в жизни соседа не всё в порядке.

Однажды к Рут пришёл старик, который забывал, зачем оказался на улице. Он держал в руках пустую коробку из-под фотографий и просил дать ему карту деревни. Рут молча усадила его возле окна, принесла чай и достала из шкафа альбом с рисунками Агаты. Старик нашёл изображение

женщины в цветастом шарфе, долго смотрел, затем сказал, что когда-то любил её. Имя вспомнить не смог.

Рут не стала заставлять его. Она предложила рассказать, что женщина готовила на завтрак, какую музыку любила, каким голосом смеялась. Старик неожиданно заговорил быстро, с радостью человека, которому больше не надо доказывать, что его прошлое существует. Перед уходом он написал на бумаге: «Она любила чай без сахара».

Нора спросила, почему Рут терпеливо слушает истории, которые не могут помочь найти конкретную пропажу. Библиотекарь ответила, что пустое место не всегда заполняется именем. Иногда нужно сначала вернуть человеку уверенность в собственном праве вспоминать.

Вечером они расставляли книги на полке. Нора заметила небольшой том стихов, открытый на середине. Между страницами лежала записка Артура: «Не забывай поливать мяту». Рут с удивлением обнаружила, что всю жизнь продолжала выращивать мяту на окне, хотя забыла, кто когда-то просил об этом. Нора вспомнила мать с горшком мяты и почувствовала странное родство с женщиной, от которой была отделена десятилетиями.

Они сидели до позднего вечера и говорили не о колоколе, а о книгах. Рут любила романы, в которых люди возвращаются домой после долгого отсутствия; Нора — истории о несбывшихся жизнях. Обе осторожно смеялись над собственными предпочтениями. За окном темнело. Им предсто-

яло снова закрыть двери, но на этот раз тишина уже не казалась полной победой страха.

ГЛАВА 4. ПУСТОЕ МЕСТО ЗА СТОЛОМ

У Норы было вполне конкретное детство. Красный велосипед без тормозов, ковёр с кораблями в гостиной, соседский пёс, который крал её бутерброды. Она помнила, как мать учила её завязывать шнурки и как в двенадцать лет она плакала над умершим хомяком. Ни в одном воспоминании не было Джеймса Харта. Нельзя потерять человека, которого никогда не встречал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.